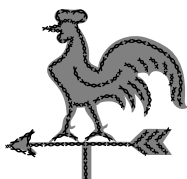

> МАГИСТРАЛЬ >

МИЛОРАД ПАВИЧ

Внутренняя сторона
ветра
Роман о Геро и Леандре

Москва
2024

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44
П12

Milorad Pavic
UNUTRAŠNJA STRANA VETRA

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление *Натальи Портняной*

Павич, Милорад.

П12 Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре / Милорад Павич ; [перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 224 с.

ISBN 978-5-04-193275-6

Милорад Павич — знаковый сербский писатель, в произведениях которого магический реализм переплетается с гипертекстуальностью, позволяющей читателю определять фабулу романа и влиять на сюжет.

«Внутренняя сторона ветра» по своей форме напоминает водяные часы (клепсидра). Это книга-перевертыш, которую можно начать читать с любого конца.

Геро и Леандра разделяют столетия, но они чувствуют, или лучше сказать предчувствуют, друг друга сквозь века. Между ними через полотно времени протянулись тонкие нити, которые читатель может попробовать найти и связать воедино.

Леандр живет во времена турецких нашествий. Чтобы узнать свою судьбу, он обращается к прорицателям, которые предсказывают ему две смерти: от сабли и от огня. Эти пророчества — внутренняя и внешняя сторона ветра...

Геро знает, что она умрет в 12 часов 5 минут. А пока она преподает французский двум детям, один из которых живет в будущем и невидим в настоящем, и переводит романы, вставляя в них свои новеллы...

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Серб)-44

© Савельева Л. А., перевод
на русский, 2024

© Издание на русском языке.

Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193275-6

Он был половиной чего-то. Сильной, красивой и даровитой половиной чего-то, что, возможно, было еще сильнее, крупнее и красивее его. Итак, он был волшебной половиной чего-то величественного и непостижимого. А она была совершенным целым. Небольшим, неопределившимся, не очень сильным или гармоничным целым, но целым.

1

— У будущего есть одно большое достоинство: оно всегда выглядит в реальности не так, как себе его представляешь, — говорил отец Леандру.

В то время Леандр был еще не вполне сложившимся юношей, он все еще не знал грамоты, но был красив. Леандром его пока никто не называл, это пришло позже, а мать заплела его волосы, как плетут голландское кружево, чтобы в дороге не нужно было причесываться. Провожая его, отец сказал:

— У него такая красивая, длинная шея, как у лебедя; не дай бог от сабли погибнет.

И Леандр запомнил эти слова на всю жизнь.

В роду Чихоричей все, кроме отца Леандра, из поколения в поколение были строителями, кузнецами и пасечниками. Чихоричи осели на Дунае под Белградом, переселившись из Герце-

говины, из того края, где пению в церкви учат раньше, чем азбуке, и откуда воды стекают в два разных моря: с одного ската крыши дождь сливается на запад — в Неретву и затем в Адриатику, а с другого на восток — через Дрину в Саву и Дунай и попадает в Черное море. Только отец Леандра пошел не в свою породу — о том, чтобы строить, не хотел и слышать.

— Стоит оказаться в Вене или в Будиме, среди всех этих домов, которые теперь понастроили, себя не помню и, только выйдя на берег Дуная, где шука глупее всего в феврале, понимаю, где я и кто я.

Однако Чихоричи ничего не знали о том, где проводит время и чем занимается их отец, чем кормится их семья. Он говорил им только, что живет благодаря воде и смерти, потому что живут всегда благодаря смерти. И действительно, отец Леандра приходил домой поздно, весь мокрый, то с Дуная, то с Савы, что всегда нетрудно было определить, ведь каждая река пахнет по-своему. И всегда в полночь, все еще мокрый, чихал десять раз, как будто считал.

Леандр, который в детстве носил имена Радача и Милько, с малых лет учился на примере деда и дядьев строительному делу, продолжая семейное ремесло. Он был хорошим плотником и каменотесом, особенно по мрамору, помогал при похоронах икон, а кроме того, у него был врожденный дар легко и быстро украсить картинками пчелиный улей или поймать рой пчел. Если в те времена, когда они еще жили в Герцеговине, случалось, что в жару во время летнего поста нужно было идти на реку, находившуюся на расстоянии двадцати ружейных выстрелов, всегда посылали Леандра, и только ему удавалось наловить рыбы, выпотрошить ее, набить крапивой и принести домой, пока она не протухла. Позже, во время одного из своих путешествий, он увидел и навсегда запомнил, как в знак памяти о деспоте Джурдже Бранковиче привозили на Авалу хлеб, замешенный на дунайской воде и освященный в смедеревском храме Пресвятой Богородицы. Весь путь от Дуная до Авалы был разделен на этапы между верховыми гонцами, которые, передавая хлеб из рук в руки, доставляли его так быстро, что

он еще теплым достигал застолья деспотов на горе, где его ломали на куски и делили между присутствовавшими вместе с солью, добытой под Жрновом.

— Все мы строители, — говорил Леандру, обычно за ужином, дед Чихорич, — но нам для работы дается необыкновенный мрамор: часы, дни и годы; а сон и вино — это раствор. Все мы строители времени, гонимся за тенями и черпаем воду решетом: каждый строит из часов свой дом, каждый из времени сколачивает свой улей и собирает свой мед, время мы носим в мехах, чтобы раздувать им огонь. Как в кошельке перемешаны медяки и золотые дукаты, как перемешаны на лугу белые и черные овцы, так и у нас для строительства есть перемешанные куски белого и черного мрамора. Плохо тому, у кого в кошельке за медяками не видать золотых, и тому, кто за ночами не видит дней. Такому придется строить в непогоду да в невзгуду...

Леандр, слушая это, думал не о завтрашнем, а о послезавтрашнем дне и с удивлением замечал, что отец съедает ложку бобов за то время, пока сам он отправляет в рот три. В их семье

каждому полагалось заранее определенное количество еды, и никто никогда не нарушал заведенного порядка, просто Леандр съедал столько же, сколько и другие, в три раза быстрее. Мало-помалу он стал замечать и то, что одни животные едят быстрее, другие медленнее, быстрее или медленнее передвигаются. Так он начал различать в окружавшем его мире два разных ритма жизни, два разных биения пульса крови или соков в растениях, две разновидности существ, загнанных в рамки одних и тех же дней и ночей, которые одинаково делятся для всех, — но одним их не хватает, а другим достается в избытке. И помимо своей воли чувствовал несовместимость с людьми, животными или растениями, у которых ритм биения пульса был другим. Он слушал птиц и выделял среди них тех, у которых был его ритм пения. Однажды утром, ожидая своей очереди вслед за отцом напиться воды из кувшина и отсчитывая его глотки, он понял, что пришло время покинуть отчий дом. Он вдруг понял, что отец уже дал ему и его братьям столько любви и умения, что ему, Леандру, хватит до конца дней, чтобы согреться и питаться этим,

и он не сможет дальше накапливать эту любовь, потому что она охватывает, как уже сейчас очевидно, и то время, когда самого Леандра (предмета и потребителя этой любви) уже не будет среди живых, — любовь отца, таким образом, окажется пущенной на ветер, бессмысленно перекрыв то расстояние, которое отделяло ее от точки приложения.

Вот как выглядел отъезд Леандра. Он умел играть на цимбале, и слушатели, довольные его игрой на праздниках, бросали внутрь инструмента медные монеты. В то время на савской пристани жили четыре старых возчика, тоже занимавшиеся торговлей и известные игрой на цимбалах. Случилось так, что один из них в дороге разболелся, и квартет остался без четвертого инструмента. Как раз в то утро, когда отец Чихорич решил начать учить сына письму и показывал ему первую греческую букву — Θ , — с которой начинается слово «Теотокос» (Богородица), в дверь постучался гость. Не успел Леандр впервые в жизни взять в руки перо, как в дом вошел самый старый из возчиков, снял со стены цимбалу и, подержав в руке,

прикинул, сколько она может весить. Видимо, вес инструмента, наполненного монетами, оказался хорошей рекомендацией. Возчик упросил отца Леандра одолжить ему сына вместо четвертого музыканта на такой срок, который нужен для поездки в Константинополь. Сам Леандр согласился без раздумий, так что его обучение письму закончилось, не успев начаться, на первой букве. Тем временем старый возчик, приходивший к отцу Леандра, и сам заболел, так что пришлось ради сохранения квартета взять в дорогу товарища Леандра, парня с герцеговинской границы по имени Диомидий Суббота.

Возчики отправились в путь по старой константинопольской дороге, ведущей из Белграда через Салоники до царского города. Они видели Геллеспонт, прошли через Сест и Абидос и спустя два года вернулись обратно домой, потеряв, правда, по пути еще одного из двух старых возчиков, погибшего странным образом. Он приказал верблюду лечь на землю, чтобы, спрятавшись за ним, сходить по нужде, но, пока мочился, верблюд повалился на бок и придавил старика насмерть. На следующий

год, перед новой поездкой в Константинополь, музыканты нашли ему замену, но в день отправления каравана четвертый возчик, последний из старых, не появился. Молодые люди, поняв, что среди них не осталось никого из стариков, переглянулись, не сговариваясь, забросили подальше свои инструменты и отправились в путь уже не музыкантами, а купцами.

И опасное путешествие, и выгодная торговля между двумя разными мирами — Востоком и Западом, Европой и Азией — в те времена, когда турки всей своей массой двинулись на Вену, оправдали себя, но в дороге Леандр понял, что переполнен музыкой — так же как и отцовской любовью — до конца жизни и все, что будет к ней добавлено, просто перельется через край и уйдет в песок. Однако, увлекшись торговлей, он никогда больше не возвращался к цимбале, не только не брал ее в руки, но и не чувствовал потребности слушать музыку в мире, пожиравшем вокруг него день за днем. Он полюбил свое новое ремесло, полюбил путешествия и верблюдов с их медленной, плывущей походкой, за которой на самом деле скрывается их невероятная

способность буквально проглатывать расстояния, полюбил их быстроту и выносливость — он даже пытался подражать им, облекая свой естественный пульс, свое внутреннее время, свою быстроту в мягкие, нежные и тягучие движения. Скорость, обрядившаяся в лень, — вот была его цель. Зная, что это лучший способ защиты, он всегда скрывал, насколько сгорела его свеча, и молчал о том, что уже заранее видел из-за спины ветра. Ибо он понимал, что такая скорость похожа на опасное оружие, к которому люди относятся с подозрением. Так, наблюдая за верблюдами и годами упражняясь, он научился успешно маскировать свою необыкновенную силу и свои достоинства, будто это были пороки. И это защищало его от неудач и несчастий. Времена были тяжелые, и в пути нередко можно было встретить человека в окровавленной одежде. От купцов Леандр наслушался страшных рассказов о турках с саблями, ловцах скорости, любителей погони, охотниках за головами, которые подстерегают караваны и жестоко расправляются с купцами и возчиками. Ему рассказывали, что охотник за головой всегда держит за